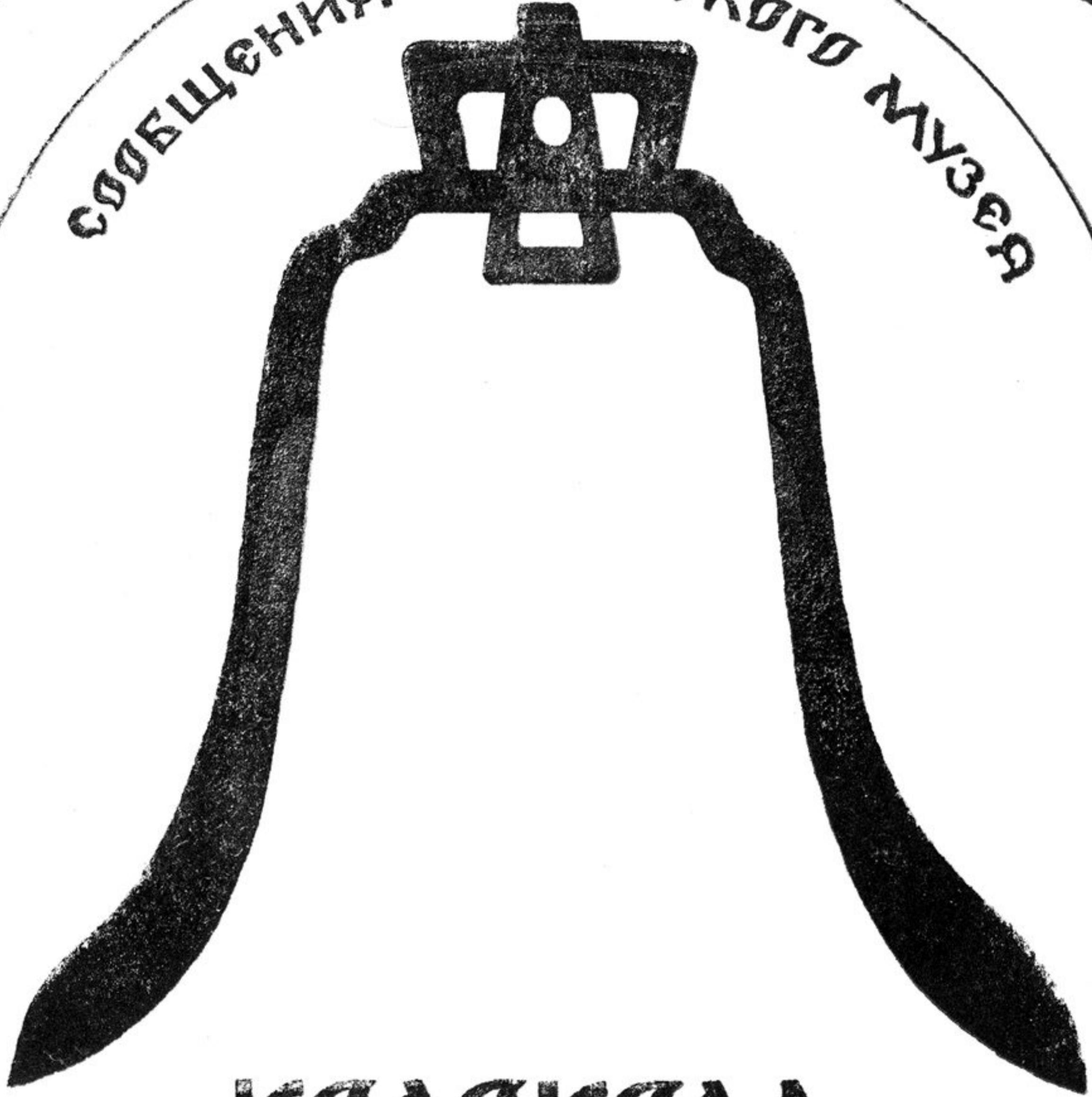

Сообщение Ростовского музея

КОЛокола
и КОЛокольни
РДСТВА ВЕЛИКОГД

1962

Государственный музей-заповедник
«РОСТОВСКИЙ КРЕМЛЬ»

Сообщения
Ростовского музея

ВЫПУСК VII

КОЛОКОЛА И КОЛОКОЛЬНИ
РОСТОВА ВЕЛИКОГО

Ярославль
ФГИ «СОДЕЙСТВИЕ»
1995

ББК 78.381
С 63

Сообщения Ростовского музея: Выпуск VII. Колокола и колокольни Ростова Великого. — Ярославль: Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1995. — 248 с.

Редактор-составитель А. Г. Мельник.

С - 4400070000-009
М 798 (03)-95 без объявл.

© Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»,
1995.

ISBN 5-85975-037-4

ЧАСОБОЙНЯ РОСТОВСКОГО КРЕМЛЯ

А. Г. Мельник

Согласно «Летописи о ростовских архиереях» Часобитная башня или, как ее называли в конце XVII в., Часобойня Ростовского кремля (архиерейского двора) была построена при митрополите Иоасафе Лазаревиче (1691—1701 гг.)¹. Иногда называлась и более точная дата возведения памятника — 1696 г.² Датировка Часобойни концом XVII в. долгое время являлась общепринятой³. Напомним, что вся верхняя часть Часобойни была разобрана в первой половине XIX в.

В. С. Баниге первым обратил внимание на упоминание Часовни (другое название Часобойни конца XVII в.) в Описи ростовского архиерейского дома 1691 г. (в дальнейшем — Опись 1691 г.), в которой сказано: «Против митрополичьих хором по правую сторону святых ворот на часовне часы боевые»⁴. Из этого он сделал вывод о существовании уже при митрополите Ионе (1652—1690 гг.) другой башни с часами, по-видимому, деревянной⁵. По мнению В. С. Баниге, здание кирпичной Часобойни было надстроено при митрополите Иоасафе Лазаревиче над восточным помещением ранее существовавшего корпуса (дом № 4)⁶. Автор предложил реконструкцию первоначального облика Часобойни, которая ему представлялась в виде высокого восьмигранного столпа, завершенного стройным шатром⁷. Однако данный облик Часобойни имеет мало общего с ее изображениями на известных обмерных чертежах 1818 г.⁸.

В относительно недавнее время И. А. Морозов, ссылаясь на то же самое место в Описи 1691 г., которое цитировал и В. С. Баниге (см. выше), отнес кирпичную Часобойню ко времени строительной деятельности митрополита Ионы, с 1664 по 1690 гг. В подтверждение своей точки зрения автор

привел свидетельство о «переборке лестниц» в Часобойне в 1697 г., полагая, что «переборка» указывает на ремонт, а, значит, к тому времени здание существовало достаточно долго¹⁰. Но уже вышеприведенный анализ взглядов В. С. Баниге по данному вопросу свидетельствует о явной недостаточности аргументов И. А. Морозова для столь категоричного вывода.

Чтобы правильно понять, что собой представляла Часобойня, и с большей или меньшей определенностью проследить ее историю, необходимо еще раз обратиться к натурному исследованию памятника, анализу его иконографии, а также письменных источников.

Натурные исследования сохранившейся части здания показали следующее. Прямоугольное в плане (рис. 1) двухэтажное основание Часобойни (далее — четверик), являющее-

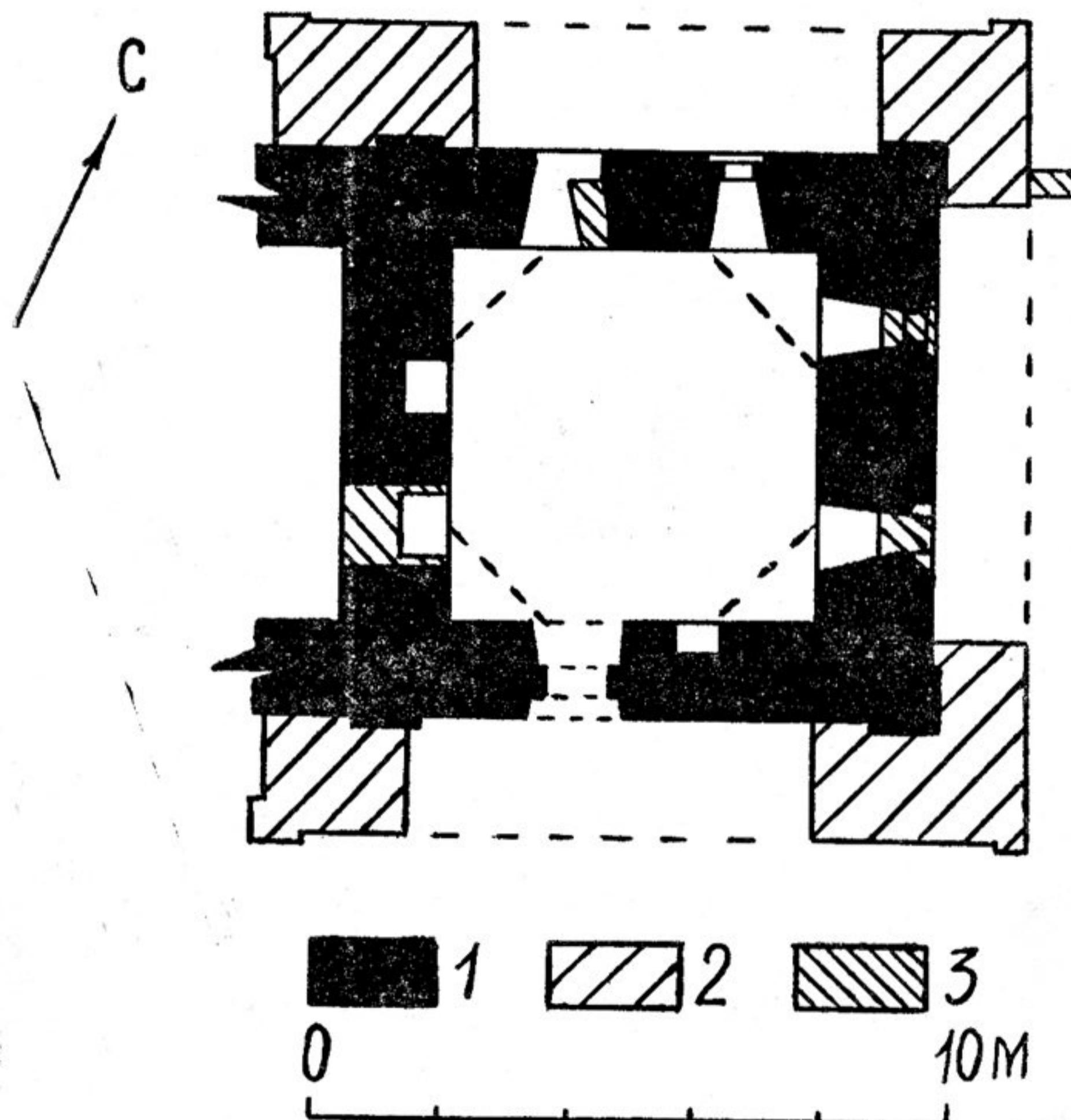

Рис. 1. План нижнего яруса Часобойни:
1 — Кладка 1650—1660-х гг.; 2 — Кладка около 1696 г.;
3 — Кладка второй половины ХХ в.

еся восточной частью корпуса Судного приказа (дом № 4), изначально не имело сводов, а было рассчитано на балочные междуэтажные перекрытия. В остальных же помещениях Судного приказа между первым и вторым этажами имеются своды. Кладка уцелевшей от разборки нижней части восьмерика Часобойни одинакова с кладкой ее четверика и состоит из одинакового кирпича ($7-8 \times 14 - 15,5 \times 30,5 - 32$ см). На границе кладок четверика и восьмерика не заметно никаких признаков их разновременности. Наличники четверика Часобойни, весьма своеобразные по форме, аналогичны наличникам ее восьмерика. Отсутствие же сводов в четверике указывает на то, что он изначально был предназначен для башенного основания. Все сказанное свидетельствует о том, что Часобойня была построена одновременно и по единому замыслу с корпусом Судного приказа. А поскольку последний датируется 50—60-ми гг. XVII в.¹¹, то и Часобойню следует датировать тем же временем. Это та самая Часобойня, остатки восьмерика которой (см. рис. 2) обнаружил В. С. Баниге, полагая, что они относятся к концу XVII в.

Итак, действительно, при митрополите Ионе (1652—1690 гг.) была построена часобитная башня. Но тогда встает вопрос, не была ли она, как думал И. А. Морозов, просто отремонтирована в конце XVII в. и с некоторыми изменениями дошла до начала XIX в.? Такому выводу противоречит следующее. Во-первых, согласно упомянутым чертежам 1818 г., над прямоугольным в плане основанием Часобойни тогда возвышался не восьмерик, обнаруженный В. С. Баниге, а довольно высокий четверик, завершенный восьмериком. Во-вторых, ряд форм верха Часобойни характерен не для 50—60-х гг. XVII в., а именно для конца XVII — начала XVIII вв. (см. ниже). Значит, при митрополите Иоасафе (1691—1701 гг.) одним ремонтом не обошлось, и Часобойня подверглась значительной перестройке. Как и почему это произошло? Очевидно, из-за просадок фундамента Часобойня начала крениться в южную сторону. Только начался этот процесс не в XVIII в., как думали раньше, а еще в XVII в. Ко времени митрополита Иоасафа башня, видимо, уже грозила падением. Тогда-то и было решено подвергнуть ее капитальной реконструкции.

Еще Э. Д. Добровольская, опираясь на приходо-расходные книги 1696—1698 гг. Ростовского архиерейского дома, указала, что с конца 1696 г. по 1698 г. на Часобойне велись большие плотницкие и отделочные работы¹². К сожалению,

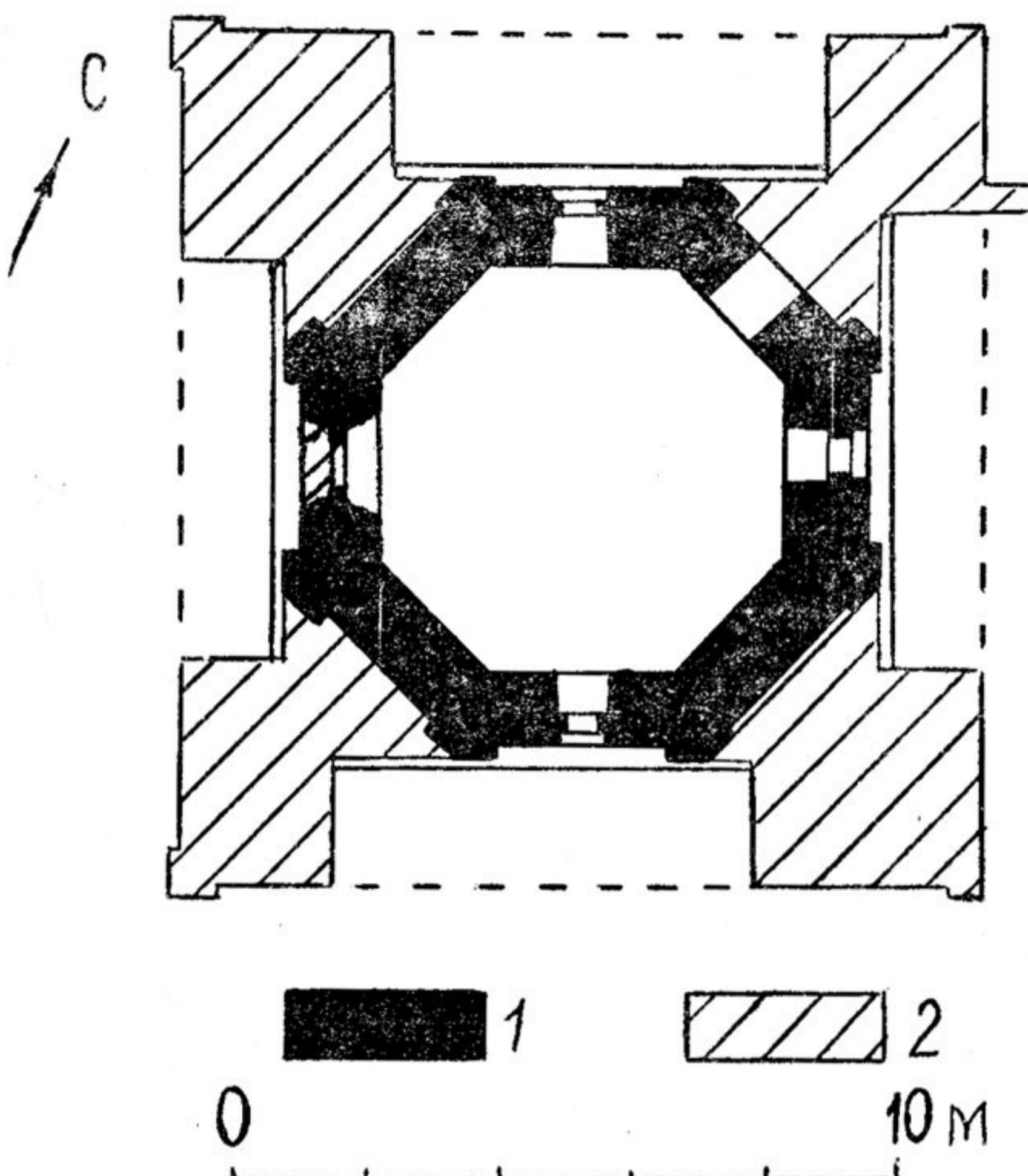

Рис. 2. План верхнего яруса сохранившейся части Часобойни:
1 — Кладка 1650—1660-х гг.; 2 — Кладка около 1696 г.

аналогичных приходо-расходных книг за первые 8 месяцев 1696 г. и за предыдущие 3 года до нас не дошло. Логично предположить, что каменные работы на Часобойне закончились незадолго до упомянутых плотницких и отделочных работ.

Итак, очевидно, что около 1696 г. четверик и нижняя часть восьмерика первоначальной Часобойни были обстроены со всех углов четырьмя мощными прямоугольными в плане пилонаами, соединенными вверху арками (рис. 1). Эти пилоны должны были играть роль контрфорсов, укреплявших основание постройки. Затем каменщики разобрали весь возвышавшийся над упомянутыми арками верх старой башни и возвели новый четверик с восьмериком звона. Основание старого восьмерика сохранилось между арками пилонов конца XVII в. (рис. 2).

Дальнейшие работы на Часобойне хорошо документированы упоминавшимися приходо-расходными книгами архиерейского двора. Весьма выразительна простая хроника этих работ.

С 24 августа по 17 октября 1696 г. «домовые», то есть принадлежавшие архиерейскому дому «плотники Васька Ком с товарищи девятнадцать человек делали на домовом дворе на Часобойне шатер»¹³.

В октябре же 1696 г. «ярославский столяр Матюшка Миронов делал олень на Часобойню»¹⁴.

До 1950-х гг. в Ростовском музее хранился жестяной флюгер в виде оленя, происходивший с часовой башни. Ныне его местонахождение неизвестно. Сохранилась только фотография данного флюгера¹⁵. Теперь трудно установить, был ли это упомянутый «олень», или сменивший его более поздний. Ясно только, что такой флюгер оказался на часовой башне не случайно, ведь изображение оленя являлось гербом Ростова (см. ниже).

К 22 ноября 1696 г. «домовые плотники Логашка да Федька Часовиковы» опаяли «на Часобойне шатер и облом белым железом»¹⁶.

В июле 1697 г. «домовых заозерских сел плотники Васька Ермолов, Никитка Максимов, Ивашко Филиппов с товарищи осмнатьца человек делали в Ростове на домовом дворе в Часобойне лестницы и перила и пол мостили»¹⁷. Тогда же, видимо, велись работы на часовом механизме башни, о чем свидетельствует следующее известие: «Куплено часовому мастеру к лужению серы елевой»¹⁸.

Все в том же июле «иконописцы Петр да Иосиф Афанасьевы, Иван Дементьев... Часобойню расписали домовыми красками из масла»¹⁹.

В следующем месяце «Богоявленского монастыря оконнишник Ивашка Леонтьев зделал в домовой слюде в Часобойню окончины»²⁰, а «домовые каменных дел мастер Гаврилко Харитонов, да каменщики Афонка Тихонов, Захарко Ермолов с товарищи двадцать человек» в Часобойне «печи клали»²¹.

В течение пяти недель до 26 февраля 1698 г. «домовые плотники Васька Ком с товарищи пятеро человек... в Часобойне лестницы перебирали, творила тесом обшивал»²².

К июлю 1698 г. относятся завершающие работы на часовой башне. Тогда «домовой Федя Часовиков паял в домовом белом железе... к Часобойне колесо указаное»²³, и «домовой

Якимовской волости плотники Климко Семенов с товарищи пять человек делал в Ростове круг к часам»²⁴.

Надо учесть, что в 1777 г. на месте шатра Часобойни появилась «низменная крышка»²⁵. Именно с такой пологой кровлей башня и была зафиксирована на упомянутых чертежах П. Я. Панькова в 1818 г. Присмотримся внимательно к этим наиболее достоверным изображениям Часобойни конца XVII в.

Ярусная композиция башни весьма характерна для конца XVII в. Над мощным четвериком основания возвышался меньший в объеме четверик, который завершался восьмериком звона с восьмигранным шатром. Меньший четверик предназначался для механизма башенных часов. Циферблаты последних имели килевидное обрамление, от которого к углу четверика шел аркатурно-колончатый пояс с арками килевидной или стрельчатой формы. На углах четверика располагались тонкие пилоны, которые, что очень существенно, поднимались выше объема четверика. В венчающей части последнего, между упомянутыми угловыми пилонами, располагался ряд килевидных арочек. Важную роль в художественном облике фасадов четверика играли характерные для конца XVII в. круглые проемы, располагавшиеся в его верхней части.

Венчающий восьмерик имел более простое оформление. Его углы были раскрепованы узкими лопatkами, а перемычки проемов звона имели трехгранную форму, типичную для построек «нарышкинского стиля» конца XVII — начала XVIII вв.²⁶ В ярусе звона размещалось 17 «средних» колоколов²⁷. Столь большое количество колоколов свидетельствует, что на них исполнялись довольно сложные мелодии.

Теперь можно только мысленно представить, какое удивительное зрелище первоначально представляла собой Часобойня. Это было высокое, устремленное вверх сорокадвухметровое сооружение, ярко раскрашенное масляными красками и блиставшее еще не потускневшим оловом луженой обшивки шатра.

Как справедливо отметил В. В. Кавельмахер, образцом для нашего памятника послужила Спасская башня Московского Кремля²⁸. Именно от последней Часобойня унаследовала и килевидное обрамление циферблатов часов, и тонкие угловые пилоны, и килевидную аркатуру в верхней части четверика. И даже установка городского герба (оленя) в венчающей части башни соответствовала местоположению государственного герба (двуглавого орла) у московского прототипа. Данный вывод не покажется неожиданным, если учесть, что

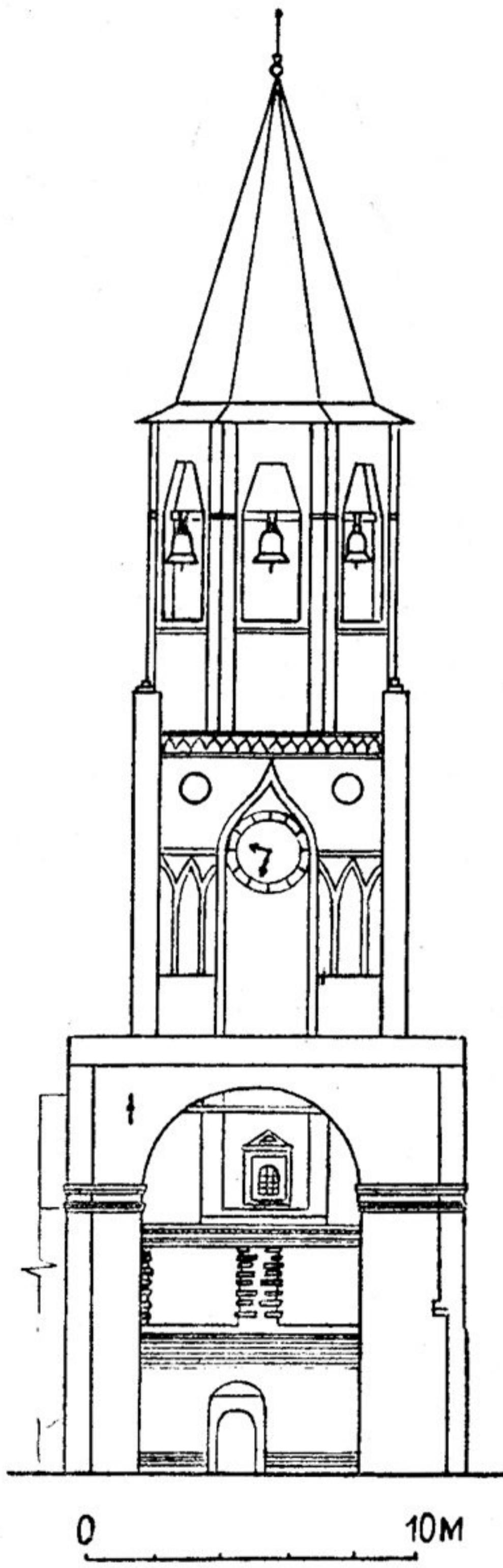

Рис. 3. Часобойня Ростовского кремля (около 1696—1698 г.)
Южный фасад. Реконструкция А. Г. Мельника,

заказчик строительства Иоасаф до того, как стал ростовским митрополитом, являлся настоятелем Чудова монастыря в Московском Кремле.

Таким образом, в Ростовском кремле XVII в. существовали фактически две, а не одна часовня башня. Первая была построена при митрополите Ионе в 50—60-х гг. XVII в., вторая сменила ее в промежутке около 1696—1698 гг. Имеющихся материалов достаточно для выполнения графической реконструкции первоначального облика этой последней Часобойни (рис. 3).

В заключение хочется подчеркнуть следующее. Предложенная нами реконструкция Часобойни во многом гипотетична. И такой будет любая реконструкция этого памятника, так как упомянутые его обмеры 1818 г. настолько приблизительны, что дают лишь самое общее представление о рассматриваемом сооружении. В частности, по этим обмерам невозможно с необходимой полнотой представить несомненно довольно богатое и дробное оформление верхней части башни. Что же касается первой Часобойни, (1650—1660-х гг.), то мы даже не знаем, какие формы имела вся ее верхняя часть.

Из сказанного следует совершенно определенный вывод: ни первая, ни вторая Часобойни не могут быть восстановлены. И любые попытки сделать это (а предвидеть это в переживаемую нами «эпоху тотального новодела» несложно) будут носить сугубо антинаучный характер.

¹ Титов А. А. Летопись о ростовских архиереях. 1890. С. 15.

² Титов А. А. Описание Ростова Великого. 1891. С. 44.

³ См., напр.: Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913. С. 107—108; Собянин В. А. Ростов в прошлом и настоящем. Ростов-Ярославский, 1928. С. 29; Баниге В. С., Брюсова В. Г., Гнедовский Б. В., Щапов Н. Б. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957. С. 105.

⁴ Опись Ростовского архиерейского дома 1691 г. //МЗРК. Р-1083. Л. 142.

⁵ Баниге В. С. Хоромы XVII в. Рукопись. //МЗРК. А-1198. Л. 63. Его же. Искусство Ростовских строительных мастеров. Л., 1963. Диссертация. Л. 244.

⁶ Баниге В. С. Искусство Ростовских... Л. 244.

⁷ Баниге В. С. Восстановление Ростовского кремля. Ярославль, 1963. Рис. 14.

⁸ См. воспроизведение: Добровольская Э. Д. Новые материалы по истории Ростовского кремля. //Древний Ростов. Ярославль, 1958. Вып. 1. С. 36, 38; Баниге В. С. Кремль Ростова Великого. М., 1976. С. 8.

⁹ Морозов И. А. К вопросу о датировке Часобитной башни Ростовского кремля. //Памятники Отечества. М., 1984. № 2. С. 164—165.

- ¹⁰ Там же. С. 165.
- ¹¹ Мельник А. Г. Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов, 1992. С. 36—37.
- ¹² Добровольская Э. Д. Указ. соч. С. 30—31, 42—46.
- ¹³ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Кн. 162. Л. 20.
- ¹⁴ Там же. Л. 18 об. Об установке этого олена упоминал В. С. Баниге (Баниге В. С. Восстановление Ростовского. С. 20).
- ¹⁵ МЗРК. КП-22752. Копия данного флюгера установлена на шатре крыльца Красной палаты Ростовского кремля.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Кн. 162. Л. 21 об.—22.
- ¹⁷ Там же. Л. 50 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 51 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 51 об.
- ²⁰ Там же. Л. 55.
- ²¹ Там же. Л. 55 об.
- ²² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 10. Л. 24.
- ²³ Там же. Л. 43.
- ²⁴ Там же. Л. 43.
- ²⁵ РФ ГАЯО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 6476. Л. 9, 10.
- ²⁶ См.: Штейман Г. А. Архитектурные конструкции русских каменных сооружений XVI—XVII вв. //Архитектурное наследство. М., 1967. № 16. С. 31—32.
- ²⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 282. Л. 113.
- ²⁸ Кавельмажер В. В. Способы колокольного звона и древнерус-